

УДК 347.65/68

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ НАСЛЕДСТВЕННОГО ДОГОВОРА: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Краснослободцева Карина Игоревна, студент 3 курса,

Шкут Мария Алексеевна, студент 3 курса

Научный руководитель: Мичурина Елена Александровна, кандидат
юридических наук, доцент кафедры гражданского права

Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов)

Статья посвящена анализу моделей наследственных договоров, особенностям их заключения и практическим вопросам, возникающим в различных правовых системах в контексте международного правового регулирования. Особое внимание уделяется специфике заключения наследственного договора в России, Германии и Швейцарии.

Ключевые слова: наследственный договор, имущество, сделка, наследодатель, обязательства, завещание, обязательная доля, нотариус.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ENFORCEMENT OF INHERITANCE CONTRACTS: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Karina Igorevna Krasnoslobodtseva, 3rd-year student,
Maria Alekseevna Shkut, 3rd-year student.

Scientific supervisor: Elena Alexandrovna Michurina, Candidate of Legal
Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law.

Saratov State Law Academy (Saratov, Russia).

The article is devoted to the analysis of inheritance contract models, the specifics of their conclusion, and practical issues arising in various legal systems within the context of international legal regulation. Particular attention is paid to the specifics of concluding an inheritance contract in Russia, Germany, and Switzerland.

Keywords: inheritance contract, property, transaction, testator, obligations, will, compulsory share, notary.

Институт наследственного договора является одним из современных способов распоряжения имуществом в России, предоставляя субъектам гражданского права расширенные возможности наследственного планирования и позволяя более эффективно управлять имуществом, одновременно снижая риски возникновения споров. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (далее - РФ) за 2024 год в судах общей юрисдикции было рассмотрено 143 807 дел, связанных с наследованием имущества, включая 37 930 исков о восстановлении срока для принятия наследства, признании права на наследственное имущество и принятии наследства (с уровнем удовлетворения требований в 93%), а также 52 146 иных дел по наследственным спорам (с удовлетворением в 90% случаев) [4], что подчеркивает растущую судебную нагрузку в данной сфере и подтверждает актуальность института наследственного договора как механизма досудебного разрешения соответствующих вопросов. «Наследственный договор является одной из актуальных проблем в российском и зарубежном законодательстве. Причина просматривается в несовершенстве и неопределенности его отдельных сторон, которые необходимо адаптировать под современные условия динамично изменяющегося мира» [2, с.159]. Сравнительный анализ российского и международного опыта применения наследственного договора имеет особое значение для оценки действенности отечественной модели, определения перспектив ее усовершенствования, а также для понимания интеграции российского института в контексте мировых наследственных систем. Поскольку регулирование наследственного договора в каждой стране имеет свою выраженную национальную

специфику, представляется необходимым провести сравнительный анализ российской модели и сложившегося зарубежного опыта, что позволит выявить общие сходства и различия в правоприменении.

Наследственный договор в российском праве появился 1 июня 2019 года, когда в Гражданский Кодекс Российской Федерации (далее-ГК РФ) была введена статья (далее-ст.) 1140.1[1]. «Безусловно, на основании ст. 1140.1 ГК РФ в доктрине гражданского права предпринимаются попытки сформулировать единое понятие «наследственный договор». Однако в силу новизны и сложной правовой природы данного института мнения правоведов расходятся, для правоприменительной практики, очевидно, потребуется разъяснения Верховного Суда РФ»[3, с. 101]. «П. В. Крашенинников определяет наследственный договор как «двустороннюю сделку, которая предусматривает передачу наследодателем имущества наследнику, а последний обязуется совершить определенные действия в отношении наследодателя»[3, с. 101].

Мы считаем, что в силу ст. 1140.1 ГК РФ наследственный договор представляет собой двусторонний (или многосторонний) нотариально удостоверяемый договор, заключаемый наследодателем с любым лицом (или лицами), которое может быть призвано к наследованию (ст. 1116 ГК РФ), в целях определения круга наследников и порядка перехода к ним (или к указанным третьим лицам) прав на все имущество наследодателя либо на его часть после его смерти, определении имущества, входящего в наследственную массу, возложения на стороны договора обязанностей имущественного или неимущественного характера, а также назначение душеприказчика (душеприказчиков). Институт наследственного договора предоставляет возможность наследодателю не только распорядиться имуществом в случае своей смерти, но и установить для потенциальных наследников обязанности имущественного или неимущественного характера. Главное отличие завещания от

наследственного договора состоит в том, что завещание это одностороннее распоряжение, не предполагающее встречных обязательств, тогда как наследственный договор основан на взаимности и может предусматривать встречные обязательства. «Завещание является односторонней сделкой, для совершения завещательного распоряжения не требуется встречного волеизъявления другого лица (наследника)» [9, с. 772]. Наследственный договор предполагает получения выгоды для наследодателя еще при жизни, что делает его более гибким способом планирования процесса наследования. Права и обязанности у сторон возникают с момента нотариального заключения такого договора, а не с момента передачи имущества. Стороны могут заранее определить условия договора, распределить имущество и оформить их документально. Встречные обязанности могут включать уход за наследодателем, финансовую помощь или выполнении иных обязательств, необходимых для обеспечения его потребностей. Практика применения наследственного договора в РФ сталкивается с неопределенностью отдельных аспектов, требующих конкретного правового разъяснения и законодательной адаптации. Необходимо отметить правовую норму, закрепленную пунктом (далее-п.) 8 ст. 1140.1 ГК РФ [1], в которой определено, что, если в отношении одного и того же имущества наследодателем заключено несколько наследственных договоров, приоритет отдается тому договору, который был заключен с более ранней датой. Данное требование можно изменить, составив в отношении такого имущества последующее завещание, а после наследственный договор. Также, согласно п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ [1], наследодатель имеет право исключительно по своему усмотрению распоряжаться своим имуществом, даже при условии, что наследник может лишиться права наследования. Это означает, что если после заключения данного договора наследодатель продаст или иным способом распорядится своим имуществом, которое является предметом договора, то наследник не сможет претендовать на это имущество после смерти наследодателя. Помимо

этого, в силу п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ наследодатель обладает правом отказаться от договора в одностороннем порядке, но при этом он обязан возместить убытки другим сторонам, связанные с исполнением прижизненных обязательств. Оспаривание наследственного договора также имеет свои особенности, которые заключаются в том, что договор может быть оспорен еще при жизни наследодателя по иску любой из сторон, а также после открытия наследства. Во втором случае возможность оспаривания ограничена, поскольку договор может быть оспорен, если были нарушены права и законные интересы других лиц.

Наследственный договор, известный в зарубежных правовых системах уже длительное время, обладает своими национальными особенностями. Например, в Германии, где он регулируется §§ 2274-2302 Германского гражданского уложения [8] (далее - BGB), этот институт имеет двойственную природу: он одновременно является личной сделкой и завещанием. Важно, что наследодатель должен лично подписать такой договор, не прибегая к услугам представителей (§ 2274 BGB), тогда как наследник может действовать через доверенное лицо. Кроме того, к наследодателю предъявляются усиленные требования дееспособности, отличные от стандартных норм (§§ 104, 2229 BGB), и заключить такой договор могут только полностью дееспособные лица (*unbeschränkt geschäftsfähig*) (§ 2275 BGB). В отличие от обычных завещаний, для которых применяются нормы о «тестamentной» дееспособности (§ 2229 BGB), допускающие совершения завещания лицам с частичной дееспособностью, для наследственного договора такие послабления исключены. Даже те, кто в силу ограниченной дееспособности могут совершать сделки с согласия опекуна (§ 104 BGB), не вправе заключать наследственный договор, что объясняется необратимостью воли наследодателя, поскольку договор практически не отменяем в одностороннем порядке (§§ 2276, 2290, 2297-2299 BGB), и такие правила направлены на защиту наследодателя как более уязвимой стороны. Кроме

того, личное присутствие наследодателя у нотариуса при удостоверении договора является обязательным, исключая представительство и усиливая контроль за выражением его воли [6, с. 106-107; 7, с. 19]. В Германии наследодатель не вправе отказаться в одностороннем порядке от уже заключенного наследственного договора. Расторжение возможно только по взаимному согласию сторон, которое также должно быть нотариально удостоверено (§ 2290 BGB), либо в строго ограниченных законом случаях: при наличии основания для аннулирования (Anfechtung- § 2281 BGB), при предусмотренном договором праве на отказ (§ 2293 BGB) или в случае грубого нарушения обязанностей наследником (§ 2294 BGB). Отдельные распоряжения, включенные в наследственный договор, могут иметь собственный режим отмены (§§ 2297-2299 BGB). Такая конструкция обеспечивает повышенную стабильность и защиту воли наследодателя, что минимизирует последующие споры. «Наследственный договор традиционно рассматривается как некое соглашение между завещателем и его наследниками» [2, с. 190], что подчеркивает его договорную природу, но с элементами завещательного распоряжения на случай смерти. Личное участие наследодателя в заключении договора повышает надежность его волеизъявления и снижает вероятность последующих споров и давления со стороны потенциальных наследников. Это особенно важно при передаче семейного бизнеса или крупного имущества, когда давление со стороны родственников может быть высоким, и объясняет крайне низкое количество успешных оспариваний наследственного договора в немецкой судебной практике [6, с. 107-108].

В отличие от германской модели российский наследственный договор отличается большей гибкостью. Наследственный договор в России также требует нотариальной формы, однако ключевой особенностью является право наследодателя в любое время совершить односторонний отказ от договора путем нотариально удостоверенного уведомления всех сторон (п. 10 ст.

1140.1 ГК РФ), при этом он обязан возместить другим сторонам убытки, возникшие до момента получения уведомления.

Таким образом, германская модель наследственного договора обеспечивает максимальную защиту и стабильность волеизъявления наследодателя, практически исключая возможность одностороннего отказа и создавая высокий порог для заключения и расторжения договора. Российский подход, напротив, ориентирован на гибкость и сохранение свободы наследодателя до момента его смерти, что проявляется в возможности одностороннего отказа. Именно этим объясняется различие в данных институтах: в Германии наследственный договор применяется в ситуациях, где важна долговременная обязательность, тогда как в России он остается инструментом, сочетающим элементы наследственного и договорного права, но не ограничивающим свободу наследодателя столь жестко.

Институт наследственного договора в Швейцарии регулируется ст.494-518 Гражданский кодекс Швейцарии (далее - ГК Швейцарии) [10]. В ст. 494 ГК Швейцарии указано, что наследственным договором признается смешанный гражданско-правовой договор, согласно которому одна из сторон - наследодатель - назначает по своему усмотрению другую сторону или третье лицо наследником или устанавливает завещательный отказ [11, с. 86]. В силу ст. 512 ГК Швейцарии, данный договор составляется нотариусом в присутствии сторон и двух свидетелей, которые в устной форме выражают свое согласие [10]. «Основным отличием наследственного договора от завещания также является его обязательность по отношению к заключающим его лицам, которая исключает односторонний отказ от исполнения договора и существенно ограничивает возможность его прекращения» [13, с. 4]. Наследодатель может не только распорядиться своим имуществом, назначив наследников и соответствующие доли, но и установить завещательный отказ в пользу определенных лиц. Кроме того, наследодатель обладает свободой в заключении такого договора с любым лицом и в распоряжении своим

имуществом, однако закон предусматривает исключение для недостойных наследников, лишенных права на наследование. «Обязательная доля не является ограничением. Если наследник имеет право на обязательную долю в наследстве, то он вправе отказаться от своего права, в том числе и на условиях встречного предоставления»[12]. В соответствии с п.1 ст. 1149 ГК РФ, право на обязательную долю имеют несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя, его нетрудоспособные супруг и родители, а также нетрудоспособные иждивенцы наследодателя наследуют независимо от содержания завещания не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону[1]. Данное правовое положение отличает швейцарскую модель от российской, где обязательная доля остается неприкосновенной. Такая неприкосновенность направлена на защиту уязвимых категорий граждан. Швейцарское законодательство не предусматривает возможность оспаривания сделок при жизни наследодателя по распоряжению имуществом, тем самым порождает дискуссии в доктрине. В Швейцарии возможен односторонний отказ от наследственного договора, но только в отношении отдельных положений такого договора. Швейцарская модель наследственного договора предоставляет высокую степень диспозитивности в вопросах наследования, а российская модель придает приоритет социальной защите.

Включение наследственного договора в российское законодательство важный, но пока формирующийся институт. Мировая практика свидетельствует о многообразии подходов заключения и исполнения наследственных договоров, что положительно сказывается на устойчивости имущественных правоотношений, но требует учета рисков. Российскому правоприменению важно интегрировать зарубежный опыт в части детализации и правовой защиты сторон наследственного договора, оперативно адаптировать законодательство с учетом современных тенденций

и национальных особенностей, а также сформировать единую судебную практику.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). — Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 25.11.2025).
2. Галкин, А. Г. Содержание наследственного договора: сравнительно-правовой анализ / А. Г. Галкин, Д. Г. Цергой. — Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2023. — № Т. 9 (75). № 2. — С. 189-193.
3. Демьяненко, Е. В. Наследственный договор: понятие, особенности / Е. В. Демьяненко, А. В. Шпак. — Текст : непосредственный // Юрист-Правоведъ. — 2022. — № 3 (102). — С. 100-103.
4. Гражданское судопроизводство Показатели по отдельным категориям дел. — Текст : электронный // Судебная статистика РФ : [сайт]. — URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/gr/t/22/s/0> (дата обращения: 25.11.2025).
5. Нормативно-правовое регулирование наследственных отношений в Федеративной Республике Германия. — Текст : электронный // Посольство Российской Федерации в Федеративной Республике Германия : [сайт]. — URL: <https://germany.mid.ru/upload/iblock/51e/n36w18i5q6691x1aceg11z32h3t9ulea.pdf> (дата обращения: 25.11.2025).
6. Лоренц, Д. В. Наследственный договор: подход континентального права / Д. В. Лоренц. — Текст : непосредственный //

Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — № 2. — С. 105-129.

7. Шмакова, А. С. Общая характеристика наследственного договора в праве Германии / А. С. Шмакова, Е. Н. Чуракова. — Текст : непосредственный // Развитие современной молодежной науки: опыт теоретического и эмпирического анализа. МЦНП "Новая наука". — Петрозаводск : Международный центр научного партнёрства «Новая Наука», 2020. — С. 18-23.

8. Bürgerliches Gesetzbuch. — Текст : электронный // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz : [сайт]. — URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (датаобращения: 25.11.2025).

9. Лапкина, Т. В. Правовая природа завещания как односторонней сделки по российскому гражданскому праву / Т. В. Лапкина. — Текст : непосредственный // Экономика и социум. — 2014. — № 4 (13). — С. 771-774.

10. Code civilsuisse . — Текст : электронный // Швейцария Деловая : [сайт]. — URL: <https://business-swiss.ch/wp-content/uploads/2020/04/210-3.pdf> (дата обращения: 25.11.2025).

11. Пожилых, А. И. История наследственного договора / А. И. Пожилых. — Текст : непосредственный // Уральский журнал правовых исследований. — 2020. — № 5. — С. 84-88.

12. Визгалова, К. А. Наследственный договор в зарубежных странах / К. А. Визгалова. — Текст : непосредственный // Наука через призму времени. — 2021. — № 10 (55).

13. Аболонин, В. О. Общая характеристика наследственного договора в праве Германии, Австрии и Швейцарии / В. О. Аболонин. — Текст : непосредственный // Нотариальный вестник. — 2010. — № 02. — С. 3-9.